

**«Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил...»:
о тайне человеческой души в романе Ф. М. Достоевского
«Братья Карамазовы»**

Прочитайте отрывок «Исповедь горячего сердца. В стихах» из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Объясните значение выделенных слов, обращаясь к словарю.

ЧИТАЕМ И ПОНИМАЕМ

Братья Карамазовы

Исповедь горячего сердца. В стихах

Алёша, выслушав приказание отца, которое тот выкрикнул ему из коляски, уезжая из монастыря, оставался некоторое время на месте в большом **недоумении**. Не то чтоб он стоял как столб, с ним этого не случалось. Напротив, он, при всём беспокойстве, успел тотчас же сходить на кухню **игумена** и разузнать, что наделалверху его папаша. Затем, однако, пустился в путь, **уповая**, что по дороге к городу успеет как-нибудь разрешить **томившую** его задачу. Скажу заранее: криков отца и приказания переселиться домой, «с подушками и **тюфяком**», он не боялся нимало. Он слишком хорошо понял, что приказание переезжать, вслух и с таким показным криком, дано было «в увлечении», так сказать даже для красоты, – вроде как **раскутившийся** недавно в их же городке **мещанин**, на своих собственных именинах, и при гостях, рассердясь на то, что ему не дают больше водки, вдруг начал бить свою же собственную посуду, рвать своё и женино платье, разбивать свою мебель и, наконец, стёкла в доме и всё опять-таки для красоты; и всё в том же роде, конечно, случилось теперь и с папашей. Назавтра, конечно, раскутившийся мещанин, отрезвившись, пожалел разбитые чашки и тарелки.

Алёша знал, что и старик назавтра же наверно отпустит его опять в монастырь, даже сегодня же, может, отпустит. Да и был он уверен вполне, что отец кого другого, а его обидеть не захочет. Алёша уверен был, что его и на всем свете никто и никогда обидеть не захочет, даже не только не захочет, но и не может. Это было для него **аксиомой**, дано раз навсегда, без рассуждений, и он в этом смысле шёл вперёд, безо всякого колебания.<...>

Поравнявшись теперь с садом соседки, он вдруг быстро поднял **понуренную** и задумавшуюся свою голову и... наткнулся вдруг на самую неожиданную встречу.

За плетнём в соседском саду, взмокаясь на что-то, стоял, высунувшись по грудь, брат его Дмитрий Фёдорович и изо всех сил делал ему руками знаки, звал его и манил, видимо боясь не только крикнуть, но даже сказать вслух слово, чтобы не услышали. Алёша тотчас подбежал к **плетню**.

– Хорошо, что ты сам оглянулся, а то я чуть было тебе не крикнул, – радостно и торопливо прошептал ему Дмитрий Фёдорович. – Полезай сюда! Быстро! Ах, как славно, что ты пришёл. Я только что о тебе думал...

Алёша и сам был рад и недоумевал только, как перелезть через плетень. Но Митя богатырскою рукой подхватил его локоть и помог скачку. Подобрал **подрясник**, Алёша перескочил с ловкостью босоногого городского мальчишки.

– Ну и гуляй, идём! – восторженным шёпотом вырвалось у Мити.

– Куда же, – шептал и Алёша, озираясь во все стороны и видя себя в совершенно пустом саду, в котором никого, кроме их обоих, не было. Сад был маленький, но хозяйский домишко всё-таки стоял от них не менее как шагах в пятидесяти. – Да тут никого нет, чего ты шепчешь?

– Чего шепчу? Ах, чёрт возьми, – крикнул вдруг Дмитрий Фёдорович самым полным голосом, – да чего же я шепчу? Ну, вот сам видишь, как может выйти вдруг **сумбур** природы. Я здесь на секрете и стерегу секрет. Объяснение впредь, но, понимая, что секрет, я вдруг и говорить стал секретно, и шепчу как дурак, тогда как не надо. Идем! Вон куда! До тех пор молчи. Поцеловать тебя хочу!

Слава **Вышнему** на свете,

Слава Вышнему во мне!..

Я это сейчас только пред тобой, сидя здесь, повторял...

Словарь

исповедь – искреннее и полное признание; в христианстве: покаяние в грехах

недоумение – состояние нерешимости, сомнение вследствие неясности, непонимания

игумен – настоятель мужского монастыря

уповать – *устар.* надеяться

томить – мучить, изнурять

тюфяк – набитый чем-то мягким мешок

кутить – проводить время в попойках

мещанин – в России до 1917 г. горожанин

аксиома – очевидная истина; положение, не требующее доказательств

понурить голову – опустить, склонить

плетень – забор из сплетённых веток

подрясник – у служителей церкви: длинная одежда с узкими рукавами, поверх которой носится ряса монаха

сумбур – путаница, неясность, хаос

Вышний – в знач.: Бог

Словарь

десяти́на – русская единица площади, равная 1,0925 га

лужай́ка – небольшой луг посреди сада

пуд – русская мера веса, равная 16,38 кг

истле́ть – сгнить, превратиться в труху; сгореть, превратиться в пепел

полови́ца – доска из числа составляющих пол

фанто́м – *книжн.* призрак, плод фантазии

ста́тский сове́тник – гражданский чин 5-го класса в России XIX века

исступле́ние – состояние крайнего возбуждения, при котором человек теряет самообладание

по́дле – *книжн.* рядом

а́лкать – *книжн. устар.* страстно желать

по зада́м – *прост.* по задним дворам

золота́я ры́бка – *в знач.:* рыбка из сказки А. Пушкина «Золотая рыбка»

Сад был величиной с **десятину** или немногим более, но обсажен деревьями лишь кругом, вдоль по всем четырем заборам, – яблонями, клёном, липой, берёзой. Средине сада была пустая, под **лужайкой**, на которой накашивалось в лето несколько **пудов** сена. Сад отдавался хозяйкой с весны внаём за несколько рублей. Были и гряды с малиной, крыжовником, смородиной, тоже всё около заборов; грядки с овощами близ самого дома, заведённые, впрочем, недавно. Дмитрий Фёдорович вёл гостя в один самый отдалённый от дома угол сада. Там вдруг, среди густо стоявших лип и старых кустов смородины и бузины, калины и сирени, открылось что-то вроде развалин стариннейшей зелёной беседки, почерневшей и покривившейся, с решётчатыми стенками, но с крытым верхом и в которой ещё можно было укрыться от дождя. Беседка строена была бог весть когда, по преданию лет пятьдесят назад, каким-то тогдашним владельцем домика, Александром Карловичем фон Шмидтом, отставным подполковником. Но всё уже **истлело**, пол сгнил, все **половицы** шатались, от дерева пахло сыростью. В беседке стоял деревянный зелёный стол, врытый в землю, а кругом шли лавки, тоже зелёные, на которых ещё можно было сидеть. Алёша сейчас же заметил восторженное состояние брата, но, войдя в беседку, увидел на столике полбутылки коньяку и рюмочку.

– Это коньяк! – захохотал Митя, – а ты уж смотришь: «опять пьянствует»? Не верь **фантому**.

Не верь толпе пустой и лживой,

Забудь сомнения свои...

Не пьянствую я, а лишь «лакомствую», как говорит твой свинья Ракитин, который будет **статским советником** и всё будет говорить «лакомствую». Садись. Я бы взял тебя, Алёшка, и прижал к груди, да так, чтобы раздавить, ибо на всём свете... по-настоящему... по-на-сто-яще-му... (вникни! вникни!) люблю только одного тебя!

Он проговорил последнюю строчку в каком-то почти **исступлении**.

– Одного тебя, да ещё одну «подлую», в которую влюбился, да с тем и пропал. Но влюбиться не значит любить. Влюбиться можно и ненавидя. Запомни! Теперь, пока весело, говорю! Садись вот здесь за стол, а я **подле** сбоку, и буду смотреть на тебя, и всё говорить. Ты будешь всё молчать, а я буду всё говорить, потому что срок пришёл. А впрочем, знаешь, я рассудил, что надо говорить действительно тихо, потому что здесь... здесь... могут открыться самые неожиданные уши. Всё объясню, сказано: продолжение впрямь. Почему рвался к тебе, жаждал сейчас тебя, все эти дни, и сейчас? (Я здесь уже пять дней как бросил якорь). Все эти дни? Потому что тебе одному всё скажу, потому что нужно, потому что ты нужен, потому что завтра лечу с облаков, потому что завтра жизнь кончится и начнётся. Испытывал ты, видал ты во сне, как в яму с горы падают? Ну, так я теперь не во сне лечу. И не боюсь, и ты не бойся. То есть боюсь, но мне сладко. То есть не сладко, а восторг... Ну да чёрт, всё равно, что бы ни было. Сильный дух, слабый дух, бабий дух, – что бы ни было! Восхвалим природу: видишь, солнца сколько, небо-то как чисто, листья все зелены, совсем ещё лето, час четвёртый пополудни, тишина! Куда шёл?

– Шёл к отцу, а сначала хотел зайти к Катерине Ивановне.

– К ней и к отцу! Ух! Совпадение! Да ведь я тебя для чего же и звал-то, для чего и желал, для чего **алкал** и жаждал всеми изгибами души и даже рёбрами? Чтобы послать тебя именно к отцу от меня, а потом и к ней, к Катерине Ивановне, да тем и покончить и с ней, и с отцом. Послать ангела. Я мог бы послать всякого, но мне надо было послать ангела. И вот ты сам к ней и к отцу.

– Неужто ты меня хотел послать? – с болезненным выражением в лице вырвалось у Алеши.

– Стой, ты это знал. И вижу, что ты всё сразу понял. Но молчи, пока молчи. Не жалеи и не плачь!

Дмитрий Фёдорович встал, задумался и приложил палец ко лбу:

– Она тебя сама позвала, она тебе письмо написала, или что-нибудь, оттого ты к ней и пошёл, а то разве бы ты пошёл?

– Вот записка, – вынул её из кармана Алёша. Митя быстро пробежал её.

– И ты пошёл **по задам**! О боги! Благодарю вас, что направили его по задам и он попался ко мне, как **золотая рыбка** старому дурню рыбаку в сказке. Слушай, Алёша, слушай, брат. Теперь я намерен уже всё говорить. Ибо хоть кому-нибудь надо же сказать. Ангелу в небе я уже сказал, но надо сказать и ангелу на земле. Ты ангел на земле. Ты выслушаешь, ты рассудишь, и ты простишь... А мне того и надо, чтобы меня кто-нибудь высший простил. Слушай: если два существа вдруг отрываются от всего земного и летят в необычайное, или по крайней мере один из них, и пред тем, улетаая или погибая, приходит к другому и

говорит: сделай мне то и то, такое, о чём никогда никого не просят, но о чём можно просить лишь на смертном одре, – то неужели же тот не исполнит... если друг, если брат?

Словарь

мир на новую улицу вышел – в *знач.*: мир изменился.

балбёсина – *прост. презрит.* балбес, бестолковый, грубоватый человек

Фрйдрих Шйллер (1759–1805) – немецкий поэт, драматург, философ, представитель течения «Бури и натиска»

An die Freude! – *нем.* К радости! Ода Шиллера приводится в переводе русского поэта В. А. Жуковского

Силён – в древнегреческой мифологии: демон, спутник Диониса, бога виноделия, земледелия

каламбур – игра слов

Троглодит – в *знач.*: грубый, некультурный человек, дикарь

номады – кочевники

зверолов – охотник

Олимп – в древнегреческой мифологии: гора, место обитания богов

Церера – в древнеримской мифологии: богиня плодородия и урожая

Прозерпина – там же: дочь Цереры, богиня подземного царства

хам – *презрит. бран.* грубый, наглый, невоспитанный, бесчестный человек

пята – *устар.* пятка

риза – одежда священника во время богослужения

– Я исполню, но скажи, что такое, и скажи поскорей, – сказал Алёша.

– Поскорей... Гм. Не торопись, Алёша: ты торопишься и беспокоишься. Теперь спешить нечего. Теперь **мир на новую улицу вышел**. Эх, Алёша, жаль, что ты до восторга не додумывался! А впрочем, что ж я ему говорю? Это ты-то не додумывался! Что ж я, **балбесина**, говорю:

Будь, человек, благороден!

Чей это стих?

Алёша решил ждать. Он понял, что все дела его действительно, может быть, теперь только здесь. Митя на минуту задумался, опершись локтем на стол и склонив голову на ладонь. Оба помолчали.

– Лёша, – сказал Митя, – ты один не засмеёшься! Я хотел бы начать... мою исповедь... гимном к радости **Шиллера. An die Freude!** Но я по-немецки не знаю, знаю только, что an die Freude. Не думай тоже, что я спьяну болтаю. Я совсем не спьяну. Коньяк есть коньяк, но мне нужно две бутылки, чтоб опьянеть, –

И **Силён** румянорожий

На споткнувшемся осле, –

а я и четверти бутылки не выпил и не Силен. Не Силен, а силён, потому что решение навеки взял. Ты **каламбур** мне прости, ты многое мне сегодня должен простить, не то что каламбур. Не беспокойся, я не размазываю, я дело говорю и к делу вмиг приду... Пстой, как это...

Он поднял голову, задумался и вдруг восторженно начал:

Робок, наг и дик скрывался

Троглодит в пещерах скал,

По полям **номад** скитался

И поля опустошал.

Зверолов, с копьём, стрелами,

Грозен бегал по лесам...

Горе брошенным волнами

К неприятным берегам!

С **Олимпийския** вершины

Сходит мать **Церера** вслед

Похищённой **Прозерпины**:

Дик лежит пред нею свет.

Ни угла, ни угошенья

Нет нигде богине там;

И нигде богопочтенья

Не свидетельствует храм.

Плод полей и грозды сладки

Не блистают на пирах;

Лишь дымятся тел остатки

На кровавых алтарях.

И куда печальным оком

Там Церера ни глядит –

В унижении глубоком

Человека всюду зрит!

Рыдания вырвались вдруг из груди Мити. Он схватил Алёшу за руку.

– Друг, друг, в унижении, в унижении и теперь. Страшно много человеку на земле терпеть, страшно много ему бед! Не думай, что я всего только **хам** в офицерском чине, который пьёт коньяк и развратничает. Я, брат, почти только об этом и думаю, об этом униженном человеке, если только не вру. Дай бог мне теперь не врать и себя не хвалить. Потому мыслю об этом человеке, что я сам такой человек.

Чтоб из низости душою

Мог подняться человек,

С древней матерью-землею

Он вступил в союз навек.

Но только вот в чём дело: как я вступлю в союз с землею навек? Я не целую землю, не взрезаю ей грудь; что ж мне мужиком сделаться аль пастушком? Я иду и не знаю: в вонь ли я попал и позор или в свет и радость. Вот ведь где беда, ибо всё на свете загадка! И когда мне случалось погружаться в самый, в самый глубокий позор разврата (а мне только это и случалось), то я всегда это стихотворение о Церере и о человеке читал. Исправляло оно меня? Никогда! Потому что я Карамазов. Потому что если уж полечу в бездну, то так-таки прямо, головой вниз и вверх **пятами**, и даже доволен, что именно в унижительном таком положении падаю и считаю это для себя красотой. И вот в самом-то этом позоре я вдруг начинаю гимн.

Пусть я проклят, пусть я низок и подл, но пусть и я целую край той **ризы**, в которую облачается Бог мой; пусть я иду в то же самое время вслед за чёртом, но я всё-таки и твой сын, Господи, и люблю тебя, и ощущаю радость, без которой нельзя миру стоять и быть.

Душу Божьего творенья

Радость вечная поит,

Тайной силою **броженья**

Кубок жизни пламенит;

Травку выманила к свету,

В солнцы хаос развила

И в пространствах, звездочету

Неподвластных, разлила.

У груди **благой** природы
Всё, что дышит, радость пьёт;
Все создання, все народы
За собой она влечёт;

Но довольно стихов! Я пролил слёзы, и ты дай мне поплакать. Пусть это будет глупость, над которою все будут смеяться, но ты нет. Вот и у тебя глазёнки горят. Довольно стихов. Я тебе хочу сказать теперь о «насекомых», вот о тех, которых Бог одарил сладострастьем:

Словарь

брожение – биохимический процесс, приводящий к распаду органических веществ; *перен.*: волнение умов

благóй – *устар.* хороший

хариты – в древнегреческой мифологии: три богини веселья, радости жизни

сладостра́стье – повышенная чувственность, страстное влечение

Мадóнна – в христианстве: название Богоматери (матери Иисуса Христа)

Содо́м – легендарный библейский город в районе Мёртвого моря, уничтоженный Богом за грехи его жителей

ли красота? Верь, что в содоме-то она и сидит для огромного большинства людей, – знал ты эту тайну или нет? Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей. А впрочем, что у кого болит, тот о том и говорит. Слушай, теперь к самому делу.

Нам друзей дала в несчастье,
Гроздий сок, венки **харит**,
Насекомым – **сладострастье**...
Ангел – Богу предстоит.

Насекомым – сладострастье!

Я, брат, это самое насекомое и есть, и это обо мне специально и сказано. И мы все, Карамазовы, такие же, и в тебе, ангеле, это насекомое живёт и в крови твоей бури родит. Это – бури, потому что сладострастье буря, больше бури! Красота – это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопределимая, а определить нельзя потому, что Бог задал одни загадки. Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут. Я, брат, очень необразован, но я много об этом думал. Страшно много тайн! Слишком много загадок угнетают на земле человека. Разгадывая как знаешь и вылезай сух из воды. Красота! Перенести я притом не могу, что иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала **Мадонны**, а кончает идеалом **содомским**. Ещё страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его и воистину, воистину горит, как и в юные беспорочные годы. Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил. Чёрт знает что такое даже, вот что!

Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В содоме

Вопросы

Вопрос 1. Верит ли Алёша в то, что отец на самом деле ждёт от него исполнения своего приказа? Почему? Как Алёша объясняет поведение отца?

Вопрос 2. Как вы думаете, почему Алёша уверен в том, что его никто никогда не может обидеть? Охарактеризуйте образ Алёши.

Вопрос 3. Почему Митя, встретившись с Алёшей, разговаривает поначалу шёпотом?

Вопрос 4. В какое время года происходит разговор в саду? Как вы думаете, почему автор выбрал сад местом разговора братьев?

Вопрос 5. В чём Митя исповедуется Алёше? Как вы думаете, с какой целью Митя читает Алёше оду («гимн») Ф. Шиллера «К Радости»?

Вопрос 6. О каком «Божьем твореньи» идёт речь в строке гимна «Душу Божьего творенья Радость вечная поит»?

Вопрос 7. Перескажите лежащий в основе гимна «К Радости» миф о человеке и Церере. Сформулируйте основную мысль оды.

Вопрос 8. Как Митя отзывается о своём образе жизни? За что он хочет попросить прощения у Алёши в исповеди? Как вы объясните слова автора о том, что Алёша понял, будто «все дела его действительно, может быть, теперь только здесь», рядом с Митей? Чем оправдана жизнь грешника, по мысли Мити?

Вопрос 9. Как вы думаете, каков темп Митиной речи? Обоснуйте свой ответ. Укажите, какие языковые средства позволяют передать ускоренную или замедленную речь.

Вопрос 10. В каком состоянии находится Митя? Обоснуйте свой ответ, обращаясь к тексту. Охарактеризуйте грамматические особенности речи персонажа.